

УДК 343.268

DOI 10.17223/22253513/17/4

В.В. Лощинкин

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

Анализируются доктринальные толкования принудительных мер медицинского характера, которые даются учеными в научной и учебной литературе по уголовному праву, поскольку единое понимание юридической природы этих мер позволит установить факт окончания формирования института принудительных мер медицинского характера, как состоявшегося института российского уголовного законодательства, а также выработать меры по совершенствованию уголовного закона, если эти толкования отличаются.

Ключевые слова: принудительные меры медицинского характера; Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г.; лицо, представляющее опасность по своему психическому состоянию.

Разрешение проблем совершенствования уголовного законодательства, в том числе и обоснованность отнесения определенного правового явления к сфере уголовно-правового регулирования, будет невозможно без уяснения юридической природы этого явления. Одним из таких явлений выступает институт принудительных мер медицинского характера российского уголовного закона (далее – ПММХ).

Для ответа на указанный вопрос проанализируем разъяснения содержания принудительных мер медицинского характера соответствующими субъектами, поскольку единое понимание учеными юридической природы этих мер позволит нам установить факт обоснованности отнесения законодателем этих мер к сфере уголовно-правового регулирования либо выработать меры по совершенствованию уголовного законодательства, если этому институту даются различные толкования.

Так, по мнению А.И. Ситниковой, принудительные меры медицинского характера – это «*уголовно-правовые меры государственного принуждения, назначаемые по приговору суда, содержание которых заключается в принудительном лечении лиц, совершивших общественно опасные или преступные деяния, предусмотренные статьями Особенной части настоящего Кодекса*» [1. С. 137]. Как представляется, указанная формулировка определения понятия ПММХ уголовного закона не вполне оправданна. Из предложенного автором понятия ПММХ следует, что принудительные медицинские меры применяются ко всем без исключения психически больным лицам, совершившим общественно опасные деяния или преступления, только по приговору суда. Между тем приговор — это решение, вынесенное судом в судебном заседании по вопросу о виновности или невиновности подсудимого и о назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания по результатам судебного разбирательства

(п. 8 ст. 302 Уголовно-процессуального кодекса РФ). Сущность приговора [2. С. 513–516], выражается в претерпевании неблагоприятных для виновного (субъекта преступления) последствий совершенного им преступления, т.е. в его обязанности дать отчет перед государством в содеянном, подвергнуться осуждению, наказанию и иным неблагоприятным юридическим последствиям, предусмотренным уголовным законом [3. С. 55–56].

Однако применение к лицу принудительной меры медицинского характера основывается не на факте совершения преступления или общественно опасного деяния, поскольку психическое расстройство лица не влияет на квалификацию содеянного, предусмотренного соответствующей нормой Уголовного кодекса РФ, а на свойствах личности данного лица, т.е. его психическом заболевании. Таким образом, при вынесении судом решения о применении к лицу ПММХ субъект преступления не связан с применением к нему принудительных медицинских мер, а совершенное им общественно опасное деяние, невзирая на характер и степень общественной опасности, само по себе не является единственным основанием применения принудительной медицинской меры, ее вида и срока применения, так как это зависит только от психического состояния данного лица и особенностей его личности (ч. 2 ст. 97, ст. 100–101 УК РФ) [4. С. 54].

Кроме того, применению ПММХ к психически больным лицам, совершившим общественно опасные деяния или преступления, приговором суда препятствует и то обстоятельство, что принудительные меры медицинского характера в уголовном законодательстве применяются к трем различным по своему правовому статусу категориям лиц.

Первую категорию составляют лица, совершившие общественно опасные деяния, предусмотренные статьями Особенной части УК РФ, в состоянии невменяемости, которые не подлежат уголовной ответственности, так как не являются субъектами преступления (ст. 21 УК РФ). Следовательно, данным лицам нельзя назначить принудительные меры медицинского характера приговором суда, в котором решаются вопросы виновности или невиновности подсудимого, т.е. субъекта преступления.

Вторую категорию составляют лица, у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания. Указанная категория лиц состоит из двух подгрупп. В первую входят лица, совершившие преступление в состоянии вменяемости, но заболевшие психическим заболеванием до вынесения приговора суда. Следовательно, в этом случае применению ПММХ приговором суда будет препятствовать психическое заболевание лица, не позволяющее ему участвовать в рассмотрении уголовного дела, что препятствует вынесению приговора. Во вторую подгруппу входят лица, совершившие преступление в состоянии вменяемости, но заболевшие психическим заболеванием во время отбывания наказания, в отношении которых уже имеется обвинительный приговор суда. Следовательно, и в этом случае принудительные меры медицинского характера не могут быть назначены приговором, которым уже ранее были разрешены вопросы о виновности подсудимого в совершенном им преступлении и о назначении ему определенного вида уголовного наказания.

Таким образом, из определения понятия ПММХ, предложенного А.И. Ситниковой, следует, что принудительные медицинские меры могут быть назначены приговором суда наряду с наказанием только лицам, совершившим преступление и страдающим психическим расстройством, не исключающим вменяемости (ст. 22 УК РФ). К иной же категории лиц применить принудительные меры медицинского характера приговором суда будет невозможно.

Исследователь правовой природы принудительных мер медицинского характера Н.В. Жарко полагает, что эти меры являются принудительными средствами медицинского характера. В связи с этим автор предлагает свою редакцию понятия ПММХ: *«Принудительные средства медицинского характера есть вид государственного принуждения, назначаемый по постановлению или приговору суда. Принудительные средства медицинского характера заключаются в психиатрическом лечении лиц, указанных в части 1 статьи 97 настоящего кодекса»* [5. С. 87]. В обоснование своей позиции автор указывает, что используемый уголовным законом термин «мера медицинского характера» является более широким по своему содержанию, чем «средство медицинского характера», что не позволяет отличить этот институт от других уголовно-правовых мер, применяемых за совершенное деяние. Ученый считает, что цель института ПММХ уголовного права достигается с помощью медицинских (лекарственных) и уголовно-правовых (предупреждение совершения новых общественно опасных деяний) средств, которые законодатель выделил в Уголовном кодексе РФ как виды принудительных медицинских мер. Также автор указывает, что принудительные меры медицинского характера являются уголовно-правовыми санкциями.

С вышеприведенной позицией нельзя согласиться ввиду того, что предложенное автором определение понятия принудительных мер медицинского характера выводит этот институт за пределы компетенции уголовного права. В функции уголовного закона не входит лечение психически больных лиц, в том числе и совершивших общественно опасные деяния или преступления, так как это относится к другой отрасли, а именно к медицине. Отнесение же ученым видов принудительных мер медицинского характера к уголовно-правовым средствам, с помощью которых достигается предупреждение совершения психически больными лицами новых общественно опасных деяний или преступлений, является неправильным. Во-первых, регламентированные Уголовным кодексом РФ виды ПММХ применяются к лицу для создания соответствующих условий лечения, ухода, содержания и наблюдения для его выздоровления или улучшения его психического состояния, что следует из толкования уголовного закона (ст. 100–101 УК РФ). А во-вторых, организация лечебно-реабилитационного и профилактического процесса (в том числе и предупреждение совершения нового общественно опасного деяния), применяемого к психически больному лицу, входит в компетенцию психиатрии, отрасли медицины, занимающейся диагностикой, терапией и профилактикой психических заболеваний [6. С. 2–4]. Ни уголовное право, ни уголовно-исполнительное право не содержит и не

может содержать комплекс тех лечебно-реабилитационных мер, которые назначаются психически больным лицам при применении к ним ПММХ.

Нельзя признать удачным и предложение ученого о переименовании «института принудительных мер медицинского характера» уголовного права в «институт принудительных средств медицинского характера». Термин «средство медицинское» достаточно широко используется медицинским законодательством и имеет свое практическое значение, свое законодательное определение, т.е. используется отраслью права, которая непосредственно осуществляет применение принудительных мер медицинского характера в соответствии с требованиями уголовного закона и не является отраслью, смежной с правом уголовным.

Так, в ст. 10 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» говорится: *«Для диагностики и лечения лица, страдающего психическим расстройством, применяются медицинские средства и методы, разрешенные в порядке, установленном законодательством о здравоохранении. Медицинские средства и методы применяются только в диагностических и лечебных целях в соответствии с характером болезненных расстройств и не должны использоваться для наказания лица, страдающего психическим расстройством, или в интересах других лиц»* [9]. Юридической наукой выработан ряд правил языкового толкования, в соответствии с которыми формулируются нормы права. Согласно этим правилам *«значение термина, установленное законодателем для данной отрасли права, нельзя без достаточных оснований распространять на другие»*, а также *«придание словам иного значения, отличного от общеупотребительного, должно быть обосновано, доказано с помощью иных способов толкования или вытекать из легальных дефиниций»* [7. С. 329].

Вместе тем ученый, предлагающий заменить термин «мера медицинского характера» действующего уголовного закона термином «средство медицинского характера», не приводит каких-либо убедительных доводов, обосновывающих его вывод и доказывающих необходимость этого изменения.

Нельзя согласиться и с выводом Н.В. Жарко о том, что принудительные меры медицинского характера, применяемые к психически больным лицам, совершившим общественно опасные деяния или преступления, следует считать уголовно-правовыми санкциями. Санкция является важным структурным элементом нормы уголовного права. В общей теории права отмечается, что санкция – это те предписания правовой нормы о мерах принуждения, которые устанавливаются за неисполнение обязанностей и в целях защиты прав других лиц [7. С. 224]. Уголовно-правовая санкция в виде определенного вида уголовного наказания устанавливается за совершение субъектом преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ. Применение же к лицу принудительных мер медицинского характера основывается не на факте совершения субъектом преступления или общественно опасного деяния, а на психическом состоянии данного лица. Не входят принудительные меры медицинского характера и в перечень видов

уголовных наказаний, предусмотренных уголовным законом за совершение преступлений (ст. 44 УК РФ).

Таким образом, не являются уголовно-правовыми санкциями принудительные меры медицинского характера, применяемые к психически больным лицам, совершившим общественно опасные деяния или преступления.

Ученые Т.М. Калинина [8. С. 529] и Б.Н. Дегай [5. С. 86] занимают практически схожие позиции в определении понятия ПММХ и полагают, что *«принудительные меры медицинского характера – это предусмотренные законом меры, применяемые в принудительном порядке к лицам, совершившим преступление или общественно опасное деяние, страдающим психическими расстройствами и нуждающимся в оказании им психиатрической помощи, в целях улучшения их психического состояния, а также ограждения общества от неблагоприятных последствий опасного болезненного состояния их психики (предупреждения совершения ими новых общественно опасных деяний)»*.

Мы согласны с авторами, что принудительные меры медицинского характера – это меры, предусмотренные законом к психически больным лицам, совершившим общественно опасные деяния или преступления и нуждающимся в психиатрическом лечении. В то же время нельзя согласиться с выводом ученых о том, что меры медицинского характера, предусмотренные уголовным законом, преследуют цель *«ограждения общества от неблагоприятных последствий опасного болезненного состояния их психики (предупреждения совершения ими новых общественно опасных деяний)»*. В приведенном авторами определении понятия ПММХ общественная опасность смещается с лица, носителя этой опасности, к психическому расстройству этого лица. Это не основано не только на уголовном законе, но и на законодательстве о здравоохранении. Правовые нормы уголовного законодательства могут применяться только к лицу (или субъекту преступления) как носителю общественной опасности, совершившему общественно опасное деяние или преступление, а не к его психическому состоянию. Более того, психические расстройства сами по себе не могут представлять общественной опасности, такую опасность представляет только носитель психического расстройства, последнее лишь обуславливает эту опасность [9]. Это подтверждается и законодательством в области здравоохранения, а именно Постановлением Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих». В соответствии с упомянутым постановлением психические расстройства включены в «Перечень социально значимых заболеваний», а не заболеваний, представляющих опасность для окружающих [10].

Р.Р. Галиакбаров и Н.Ю. Скрипченко занимают практически идентичные позиции в определении принудительных мер медицинского характера, делая акцент на медицинской характеристике их применения. Так, Р.Р. Галиакбаров полагает, что принудительные меры медицинского характера – *«это меры государственного принуждения, предусмотренные уголовным законом и применяемые судом помимо уголовного наказания или наряду с ним. Они выражаются в принудительном лечении лиц, совершивших общественно*

опасные деяния, с помещением их в специальные лечебные учреждения. Ограничение прав лица при их применении связано с определением (приговором) суда» [11. С. 44]. По мнению Н.Ю. Скрипченко, принудительные меры медицинского характера – это «предусмотренные уголовным законом лечебно-реабилитационные меры, применяемые к лицам, перечисленным в УК РФ, заключающиеся в лишении или ограничении прав и свобод указанных лиц в той мере, в какой это необходимо для создания условий их излечения либо улучшения психического состояния» [12. С. 11–12].

Считаем неверными позиции указанных исследователей в определении понятия ПММХ, поскольку приводимый ими медицинский аспект применения этих мер (излечение либо улучшение психического состояния) не соответствует законодательной норме, предусмотренной уголовным законом (ч. 2 ст. 97 УК РФ), которая бы позволяла применять эти меры в соответствии с исходными положениями российского уголовного права. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 97 Уголовного кодекса РФ *«...принудительные меры медицинского характера назначаются только в случаях, когда психические расстройства связаны с возможностью причинения этими лицами иного существенного вреда либо с опасностью для себя или других лиц»* [4. С. 54]. То есть принудительные меры медицинского характера, предусмотренные уголовным законом, применяются к психически больным лицам, страдающим психическими заболеваниями и совершившим общественно опасные деяния или преступления не во всех случаях, а только в тех, когда упомянутые лица представляют опасность по своему психическому состоянию.

Таким образом, из определения понятия принудительных мер медицинского характера, данного Р.Р. Галиакбаровым или Н.Ю. Скрипченко, следует, что уголовное законодательство выполняет не свойственные ему задачи и функции, которые непосредственно входят в компетенцию такой отрасли клинической медицины, как психиатрия, не являющейся смежной с уголовным правом [6. С. 2–4].

Анализ доктринальных толкований принудительных мер медицинского характера уголовного закона показал, что на сегодня не существует единого подхода к определению их юридической природы. Это обусловлено тем, что в одном и том же правовом явлении интегрируются нормы права, отражающие особенности правового регулирования в различных областях общественных отношений, в число которых входит конституционное, уголовное, уголовно-процессуальное право и уголовно-исполнительное право, медицинское право, а также его отрасли – общая и судебная психиатрия. Как представляется, основная проблема при применении принудительных мер медицинского характера к психически больным лицам, совершившим общественно опасные деяния или преступления, заключается в установлении и разрешении вопросов о соотношении нормативных правовых актов различной отраслевой принадлежности.

Литература

1. Ситникова А.И. Принудительные меры медицинского характера: законодательная техника // Вестн. Омск. ун-та. Сер. «Право». 2008. № 4 (17). С. 135–147.

2. *Уголовно-процессуальное право Российской Федерации* / отв. ред. П.А. Лупинская. М.: Проспект, 2005. 797 с.
3. *Уголовное право России. Общая часть: учеб.* / под ред. А.И. Рарога. М.: Юрист, 1997. 645 с.
4. *Уголовный кодекс Российской Федерации (с изм. и доп.)*. Новосибирск: Норматика, 2014. 176 с.
5. Цит. по: *Жарко Н.В.* Принудительные меры медицинского характера (уголовно-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. 230 с.
6. *Хамитов Р.Р.* Клинические, социальные и личностные предикторы особо опасного поведения психически больных: дис. ... д-ра. мед. наук. М., 2004. 253 с.
7. *Общая теория государства и права: академический курс в 2 т.* / под ред. М.Н. Марченко. М.: Зерцало, 1998. Т. 2. 640 с.
8. *Уголовное право России. Общая часть: учеб.* / Н.В. Артеменко [и др.]; под ред. А.И. Чучаева, Н.А. Ныrkовой. Ростов н/Д: Феникс, 2009. 548 с.
9. *Закон Российской Федерации от 2 июля 1992 года № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»* [Электронный ресурс]: Веб-сайт справ. правовой системы Гарант. М., 2014. URL: <http://base.garant.ru> (дата обращения: 15.08.2014).
10. *Постановление Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих»* [Электронный ресурс]: Веб-сайт справ. правовой системы Гарант. М., 2014. URL: <http://base.garant.ru> (дата обращения: 15.08.2014).
11. Цит. по: *Буфетова М.Ш.* Производство о применении принудительных мер медицинского характера: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2004. 194 с.
12. *Скрипченко Н.Ю.* Теория и практика применения иных мер уголовно-правового характера к несовершеннолетним: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 46 с.
13. *Уголовно-исполнительный кодекс РФ* [Электронный ресурс]: Веб-сайт справ. правовой системы КонсультантПлюс. М., 2014. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.08.2014).

Loshchinkin V. V. DOI 10.17223/22253513/17/4

TO A QUESTION OF THE LEGAL NATURE COMPULSORY MEASURES OF MEDICAL CHARACTER

Key words: definition of concept of coercive measures of medical character; Criminal code of the Russian Federation of 1996; the person who made socially dangerous act or a crime having a mental disease.

Solution of problems of improvement of the Russian criminal legislation including validity of reference by the legislator of a certain legal phenomenon to the sphere of criminal and legal regulation, will be impossible without explanation of the legal nature of this phenomenon. One of these legal phenomena is the institute of coercive measures of medical character of domestic criminal law applied to mentally sick persons who made socially dangerous acts or crimes.

For research of validity of reference of coercive measures of medical character to the sphere of criminal and legal regulation explanations of the maintenance of these measures are analyzed by appropriate subjects as the uniform understanding scientific their legal nature will allow us to establish the right legislative decision. Besides, the analysis of doctrinal interpretation of coercive measures of medical character of criminal law will help to develop measures for improvement of the existing criminal legislation in case positions of scientists are shared and this institute is given various interpretation.

Research showed that today scientists-lawyers offer over twenty definitions of concept of coercive measures of medical character which both are mostly similar among themselves, and are opposite each other. So one authors considering the legal nature of coercive measures of medical character consider them legal measures (criminal and legal). Other researchers adhere to the mixed approach and consider these measures at the same time criminal and legal and medical. Supporters of the third approach consider coercive measures of medical character of the Russian criminal law only medical. Therefore, in the criminal legislation there are problems in a regulation of these measures. As it is represented, as the main reason that in the same legal phenomenon the rules of law of various branch accessory having various mission are integrated acts. These precepts of law reflect features of legal regulation in various areas of the public relations, including the relations which are outside action of criminal law and branches, adjacent to it. Their number includes the criminal and criminal procedure law, the criminal

and executive right, international law and a constitutional right, the medical right and its such branches as the general and judicial psychiatry.

Therefore, as the main problem establishment and permission of questions of a ratio of regulations of various branch accessory acts, and also in definition of temporary borders when one standardly legal act stops the action and begins the action another.

References

1. Sitnikova, A.I. (2008) *Prinuditel'nye mery meditsinskogo kharaktera: zakonodatel'naya tekhnika* [Compulsory medical measures: the legislative technique]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Pravo – Herlad of Omsk University. Law.* 4 (17). pp. 135-147.
2. Lupinskaya, P.A. (ed.) (2005) *Ugolovno-protsessual'noe pravo Rossiyskoy Federatsii* [Criminal Procedural Law of the Russian Federation]. Moscow: Prospekt.
3. Rarog, A.I. (ed.) (1997) *Ugolovnoe pravo Rossii* [Russian Criminal Law]. Moscow: Yurist".
4. Russian Federation. (2014) *Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Criminal Code of the Russian Federation]. Novosibirsk: Normatika.
5. Zharko, N.V. (2005) *Prinuditel'nye mery meditsinskogo kharaktera (ugolovno-pravovoy aspekt)* [Compulsory medical measures (the criminal and legal aspect)]. Law Cand. Diss. Ryazan.
6. Khamitov, R.R. (2004) *Klinicheskie, sotsial'nye i lichnostnye prediktory osobo opasnogo povedeniya psikhicheski bol'nykh* [Clinical, social and personal predictors of especially risky behavior of the mentally ill patients]. Medicine doc. Diss. Moscow.
7. Marchenko, M.N. (1998) *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava* [The General Theory of State and Law]. Vol. 2. Moscow: Zertsalo.
8. Chuchayev, A.I. & Nyrkova, N.A. (eds) (2009) *Ugolovnoe pravo Rossii* [Russian Criminal Law]. Rostov on Don: Feniks.
9. Russian Federation. (1992) *Law of the Russian Federation № 3185-1 dated by July 2, 1992, On psychiatric care and guarantees of citizens' rights in its provision*. [Online] Available from: <http://base.garant.ru>. (Accessed: 15th August 2014). (In Russian).
10. Russian Federation. (2004) *Russian Federation Government Resolution № 715 dated by December 1, 2004, On approving the list of socially significant diseases, and the list of diseases that pose a danger to others*. [Online] Available from: <http://base.garant.ru>. (Accessed: 15th August 2014). (In Russian).
11. Bufetova, M.Sh. (2004) *Proizvodstvo o primenении prinuditel'nykh mer meditsinskogo kharaktera* [Production on the application of compulsory medical measures]. Law Cand. Diss. Irkutsk.
12. Sripchenko, N.Yu. (2013) *Teoriya i praktika primeneniya inykh mer ugolovno-pravovogo kharaktera k nesovershennoletnim* [Theory and practice of other measures under the criminal law for the minors]. Law Doc. Diss. Moscow.
13. Russian Federation. (2014) *Ugolovno-ispolnitel'nyy kodeks RF* [The Penal Code of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru>. (Accessed: 15th August 2014).